

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Научная статья

УДК 821.161.1

Проблема «привыкания» в жанре антиутопии: «Хищные вещи века» братьев Стругацких и «О, дивный, новый мир» О. Хаксли

Педкау София Андреевна

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация, sofipedkau55@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен сопоставительный анализ использования авторами общих тенденций развития общества в будущем. И братья Стругацкие, и О. Хаксли указывают на проблему «привыкания» в обществе, которая становится ключевой для создания тоталитарного общества.

Ключевые слова: антиутопия, общество будущего, сома и слег как часть жизни

Для цитирования: Педкау С.А. Проблема «привыкания» в жанре антиутопии: «Хищные вещи века» братьев Стругацких и «О, дивный, новый мир» О. Хаксли // Русская филология и национальная культура. 2026. №2(19). С. 88–94. Доступно по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st16-2026.pdf>

Original article

УДК 821.161.1

The Problem of "Habituation" in the Dystopian Genre: "Predatory Things of the Century" by the Strugatsky brothers and "Brave New World" by O. Huxley

S.A. Pedkau

Ryazan State University named for S.A. Yesenin,
Ryazan, Russian Federation, sofipedkau55@yandex.ru

Annotation. This article provides a comparative analysis of the authors' use of general trends in the development of society in the future. Both the Strugatsky brothers

and O. Huxley point to the problem of "habituation" in society, which becomes key to the creation of a totalitarian society.

Key words: Dystopia, future society, soma and slough as part of life

Введение. Жанр антиутопии переживает второе рождение в современных реалиях. Произведения, которые были созданы в XX веке, становятся объектом исследования лингвистов, литературоведов, культурологов. Утопические произведения эпохи Средневековья и Возрождения, породившие собственного антипода – антиутопию, содержат в себе определенный культурный код, который востребован и в антиутопии: автор реализует представления о жизни общества в оригинальном понимании либо как счастливого равного для всех, безмятежного (утопия), либо как опять же равного для всех, счастливого (на первый взгляд), но трагического и страшного в конечном понимании.

В настоящее время изучение жанра антиутопии приобретает особую значимость, так как границы между художественным вымыслом и социальной реальностью начинают стремительно стираться. Если изначально антиутопия (от греческого «anti» – против) воспринималась как описание нежелательного, пугающего будущего, то сегодня мы видим, что многие прогнозы писателей-фантастов стали частью нашей повседневности.

Среди исследований антиутопии довольно часто внимание ученых привлекают проблемы «кастовости», которые встречаются практически во всех современных фантастических произведениях о будущем [1]. Однако в настоящей статье мы решили обратиться к более насущной проблеме, которая требует все больше и больше внимания всего общества.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что авторы классических антиутопий, такие как О. Хаксли или братья А. и Б. Стругацкие, обладали поразительной способностью видеть сквозь время. Они смогли спрогнозировать модели развития общества, которые из гипотетических угроз превратились в реальные социальные процессы. То, что еще в середине прошлого века вызывало у читателей шок, сегодня комфортно вписалось в современный быт и культуру.

Антиутопия сегодня – это уже не просто литературное предупреждение, а во многом свершившийся факт. Исследование механизмов того, как футуристические модели Стругацких и Хаксли ассимилировались в нашей жизни, необходимо для понимания будущего человеческого общества и сохранения личности в нем.

Антиутопии живы благодаря пугающе пророческому прозрению будущего и сюжетам, которые ужасают и тревожат своими неудобными, острыми, честными вопросами к каждому человеку и обществу в целом.

Основная часть. В настоящей статье мы анализируем произведения, на первый взгляд, чрезвычайно разные, но при этом создавших вселенные, которые сопоставимы не столько по внешнему контуру, сколько по внутренним смысловым константам: «Хищные вещи века» Бориса и Аркадия Стругацких и «Дивный новый мир» Олдоса Хаксли.

Сближений на уровне смысловых культурных кодов в романах настолько много, что в рамках одной статьи мы вряд ли сумеем достойно их представить.

Одним из вопросов, сближающим произведения Стругацких и Хаксли и современную реальность, является употребление наркотических средств.

В «Хищных вещах века» – это слег. Главный герой – бывший космолетчик Иван Жилин – должен расследовать его происхождение и степень опасности распространения для общества. И это оказывается непросто. В благополучном приморском городе, празднично радостном, располагающем к отдыху и расслаблению внезапно герой сталкивается с постоянно растущим ворохом вопросов, на которые не только невозможно сразу найти ответ, но и нужно найти решение для возникших в ходе расследования сложных, требующих постоянного выбора ситуаций. Поразительно, что самым страшным и непреодолимым для человека становится так называемая «хорошая жизнь». Вседозволенность «всегда делайте только то, что вам хочется и у вас будет отличное пищеварение», неограниченные возможности, свобода выбора, материальное благополучие, высокие научные технологии, удовлетворение всех потребностей, гарантированное потребительское счастье – казалось бы, в этом городе есть все, о чем можно мечтать, но при этом полная беззащитность перед «хищными вещами», неблагополучная пресыщенность удовольствиями при отсутствии духовных стремлений и смыслов, пустая безысходность, заставляющая с риском для жизни «рыбарить», стадно вопить на «дрожках» или уничтожать произведения искусства. «Страна дураков», – говорит Жилин. Запутавшиеся, обесцененные, потерявшие ориентиры люди, как подопытные крысы в клетке, жмут и жмут на кнопку удовольствия, только бы не думать, не анализировать реальность, не действовать – «вы просто не знаете как тут у нас весело и ни о чем не надо думать». Конечно, все в городе знают о слеге, но говорить о слеге в их обществе считается неприличным и предосудительным. Дети пишут его название на заборах, не задумываясь о смысле, просто как возбуждающе запретное культовое слово, как в свое время в нашем мире писали название группы «Kiss», используя фашистскую аббревиатуру или слово «Sex». Слег доступен и разрушителен. Он уничтожил личность соратника Жилина известного космолетчика, борца с космическим фашизмом Пека Зеная. Ловушка стандартного мышления: «Если есть наркотик, должна быть мафия, производители и распространители» – не сработала. Никто его сознательно не создает и не распространяет. Случайно испытал один, по секрету рассказал другому, тот третьему... Слег – всего лишь сочетание простых, доступных, дешевых вещей: электронной детали бытового прибора – вакуумного тубосоида и пары таблеток репеллента, погружённых в горячую воду, но с эффектом самого реалистического и невероятного проживания таких потаённых желаний, о которых в приличном обществе упоминать нельзя.

Слег – философия современности, с которой невозможно бороться с помощью запретов или изъятий. Стругацкие делают его не просто элементом повествования, но символом, метафорой жизни общества будущего. «Вакуумный тубосоид» – техническая часть «слега». Он представлен

Стругацкими как аллюзия на то, что наука в состоянии похоронить нашу цивилизацию, и человечество может уснуть вечным сном, как присевший на «сlegt» Пек Зенай... «Научные миры суть миры поверхностные, практические, бездушные, чисто экстенсивные. Они лежат в основе воззрений буддизма, стоицизма, социализма... Мозг берёт бразды правления потому, что душа вышла в отставку». Без души и духовных смыслов жизни нет.

В «Дивном новом мире» О. Хаксли линия востребованности наркотика в обществе заходит еще дальше. В романе он называется сома, не осуждается и не преследуется службами безопасности. Он обязательная и для многих желательная часть жизни. Существует даже афоризм: «Сомы грамм, нету драм». Показательна сюжетная линия Линды, которая, попав в резервацию из идеального мира, почти двадцать лет прожила мыслью, даже мечтой о коме. Вернувшись в желанную цивилизацию, женщина умерла практически сразу, принимая несовместимое с жизнью количество наркотика. Героиня даже не пыталась приспособиться к миру, в который попала, хотя могла. Да, он не был «дивным» и «новым», однако именно там она обрела сына, который любил ее. Сомы не оставила места для реальных чувств. Наркотик употреблялся и главными героями: Бернардом и Ленайной. Малейшее потрясение, даже самая крохотная неуютная мысль, и они душили ее в себе посредством вещества.

В романе Хаксли наркотик не убивает человека, как у Стругацких. Происходит нечто более страшное: он убивает индивидуальный разум и личности, и общества. Человек способен взаимодействовать на самых примитивных уровнях, искусственно осчастливленных программированием. Способности чувствовать, проживать эмоции слушать, высказывать сомнения он лишен. Посредством сомы контролируется целое государство, девизом которого является: «Общность, одинаковость, стабильность». Поэтому такое государство исключает из понятия «нормы» все, что может быть связано со сферой чувств, эмоций, рефлексии – запрещено искусство, запрещена любовь. Общество, лишенное родственных связей и долгосрочных отношений, любовь заменяет на плотское удовольствие с разными партнёрами.

В произведениях Стругацких и Хаксли наркотик показан, как неотъемлемая часть общества, утратившего духовные ценности. С одной стороны «сlegt» – уход от реальности в иллюзорный мир, с другой стороны «сома» – уничтожение индивидуальности и средство контроля властных структур государства над обществом. Человек XXI века намного чаще является интровертом, ученые отмечают тенденции либо к нежеланию «новых людей» социализироваться, либо к стремлению ориентироваться на ценности «толпы в толпе». «Дрожки» Стругацких очень напоминают в недавнем популярные музыкальные экстатические рейвовые эмпагоны со схожими деиндивидуированными призывами: «Веселись до упаду», «Делай как все». Эскапистские течения также активно реализуются в развитии техники: смартфоны, компьютеры, все охватывающая мобильная связь и социальные сети, разноплановые виртуальные игры. В последние годы актуализируются смартобы и стадный инстинкт реализуется уже через заранее виртуально согласованные сценарии. Общество

на наших глазах все более попадает под слегосомовское влияние, становящееся все менее антиутопичным.

И у А. и Б. Стругацких, и у О. Хаксли миры представлены как некий Эдем, счастье в котором ничто и никто не может нарушить.

В «Хищных вещах века» практически вся экономика города занята сферой услуг: салоны удовольствий, парикмахерские, ресторанчики, рейсовые грузовики с бесплатными товарами на любой вкус – весь город наполнен предприятиями такого рода. Пресыщенность героев так велика, что они буквально лоснятся. Работают по четыре часа в день, существуют все возможные демократические и либеральные свободы (хотя нет никаких причин их использовать). Климат чудесный. Постоянный праздник. Все стараются, «чтобы было весело и ни о чем не надо было думать»: бесятся, танцуют, пьют.

Изобилие и благополучие витают в воздухе, но читатель упорно ощущает беспросветную, неисцелимую скуку. Ответ на вопрос «Почему?» приходит быстро. Нет духовных стремлений, идей, смыслов, целей. Слова «интеллигент» («интель») и «образованный» являются бранными, а интеллигенция подвергается осуждению. Но и «интели» используют свои знания не для осознанного противостояния, а для провокативного воздействия на общественное мнение, это больше желание «расшевелить болото», чем реальная сила организации. У детей на фоне подавленности здоровых эмоций неврозы, психически деструктивные состояния. Становится ясным, что вся та радость, которую транслируют жители страны дураков – миф, ведущий к гибели их душ.

Схожий вывод можно сделать об обществе в интерпретации Хаксли. Безупречный мир, в котором все поклоняются Форду (производное от Генри Форда, американского промышленника и производителя), становится слишком примитивной картинкой, а потому при малейшем ощущении, не дай бог, чувстве, его персонажи в страхе употребляют сому в неумеренных количествах. Герои привыкли потреблять. Не только блага цивилизации, но даже друг друга. Цитата «все для всех» буквальна в своем смысле, она врежется в мозг своей циничной откровенностью. Эротизированность романа зашкаливает, но подтекст здесь не чувственный, а сексуальный, почти животный: «Там любовная сцена есть на медвежьей шкуре, говорят, изумительная. Воспроизведён каждый медвежий волосок. Потрясающие осязательные эффекты». Люди пресыщены. Развращены. Опустошены. Финал Джона, сына Линды из резервации, отказавшегося употреблять сому, делить себя с другими и становиться частью 25 века, логичен. Не становясь потребителем, ты становишься «пищей». Если ты не со всеми, значит против всех. Сотни зевак, тыкающих в него пальцем и обзывающих дикарем, подводят героя к самоубийству, которого сами, не осознавая того, избегают с помощью наркотика.

О. Хаксли в романе поднимает вопрос особенно актуальный и сегодня – потере ценности личности, превосходстве технологического и научного развития общества над морально-нравственными ценностями, развивающаяся дегуманизация общества.

Заключение. Таким образом, произведения советских фантастов и английского антиутописта обращают внимание читателя на одну из самых явных и трагичных проблем общества: наркотик как часть жизни. Если писатели используют привычные средства для создания образа наркотического вещества, то подразумевают они в том числе и техническую и информационную зависимость. Ф.М. Достоевский скорбно замечал в романе «Преступление и наказание» о том, что человек привыкает ко всему, но Хаксли и Стругацкие высказались еще более определенно: человека ко всему приучают. Будущее, которое уже практически наступило, не дает нам выбора.

Список источников

1. Илларионова К.М., Лаврентьева Н.В. Феномен «кастовости» в современной зарубежной фантастике (на примере трилогий «Голодные игры» Сьюзен Коллинз, «Дивергент» Вероники Рот, «Отбор» Кирри Касс) // Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI веков. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород. 2016. С. 525-532.

References

1. Illarionova K.M., Lavrent`eva N.V. Fenomen «kastovosti» v sovremennoj zarubezhnoj fantastike (na primere trilogij «Ggolodny`e igry» S`yuzen Kollinz, «Divergent» Veroniki Rot, «Otbor» Kiry` Kass) // Nacional`ny`e kody` v evropejskoj literature XIX–XXI vekov. Nizhegorodskij gosudarstvenny`j universitet im. N.I. Lobachevskogo, Nizhnij Novgorod. 2016. S. 525-532. (In Russ.)

Научный руководитель

Лаврентьева Наталья Владимировна –

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

e-mail: n.lavrenteva@rsu-rzn.ru

Scientific director

Lavrentyeva Natalia Vladimirovna –

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor in the Department of Literature and Journalism at Ryazan State University named after S.A. Yesenin

e-mail: n.lavrenteva@rsu-rzn.ru

Информация об авторе

Педкау София Андреевна, студентка факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

e-mail: sofipedkau55@yandex.ru

Information about the author

Sofia Andreevna Pedkau, student of the Faculty of Russian Philology and National Culture of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin

e-mail: sofipedkau55@yandex.ru

Дата поступления статьи: 18.04.2026